
РЕЦЕНЗИИ

**OLGA T. YOKOYAMA. RUSSIAN PEASANT LETTERS:
TEXTS AND CONTEXTS.**

WIESBADEN HARRASSOWITZ VERLAG,
2008. PART I – 487 p., PART II – 486 p.

**ОЛЬГА Т. ЙОКОЯМА. РУССКИЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ПИСЬМА:
ТЕКСТЫ И КОНТЕКСТЫ.**

ТОМ I – 487 с. ТОМ II – 486 с.

Известный славист, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (UCLA) Ольга Йокояма, опубликовала письма членов обширного клана сибирских купцов и судовладельцев Жернаковых, чудом сохранившиеся в Тюменском архиве. Двухтомник увидел свет в Германии – в серии *Slavistische Studienbücher, Neue Folge*. BD. 18. (Под ред. Ганса Гюнтера и Гельмута Яхнова).

Письма относятся ко времени с 1881 по 1898 г. – периоду, который можно назвать определяющим для дальнейшей истории России и которому посвящены исследования многих экономистов, историков и социологов. “Начинается бурный народнохозяйственный подъем. Россия становится страной первого в Евразии экономического чуда. С 1890-го по 1916-й среднегодовые темпы развития экономики у нас самые высокие в мире”, – отмечает, например, политик, философ и общественный деятель И.Б. Чубайс [1, с. 31]. О том же времени (и приблизительно о тех же местах) писал еще Д.Н. Мамин-Сибиряк. Письма, собранные и опубликованные Ольгой Йокояма, позволяют читателю увидеть эпоху глазами частных лиц, членов одной многочисленной семьи – людей, творящих историю. Участники переписки, подлинные живые люди, как будто бы сошли со страниц произведений своего земляка и современника Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Корпус эпистолярных текстов составляет переписка родителей – Лавра Андреевича и Елизаветы Дмитриевны Жернаковых, живших в деревне Паздеры, относящейся к южно-вятскому ареалу (ныне это территория Удмуртии), – с сыновьями Василием и Алексеем, переехавшими в Тюмень, а также письма братьев Ивана и Гавриила и их единственной сестры Татьяны к тюменским братьям.

Письма, с подробнейшими комментариями и примечаниями, приведены в трех формах: аутен-

тичной, нормализованной (с соблюдением правил современной русской орфографии) и в переводе на английский язык. Все комментарии, лингвистический очерк и другие сопроводительные материалы опубликованы по-английски. К сожалению, русскому читателю, которому, в первую очередь, и адресована эта книга, она пока не доступна.

Аутентичные тексты писем с комментариями составляют содержание первого тома, там же помещён подробный лингвистический очерк и факсимильные копии писем. Второй том включает в себя письма в орфографической записи и их переводы на английский язык, родословные семьи Жернаковых и родственных семей (Бехтеревых, Невоструевых, Стефановых и Родигиных), семейные фотографии, предметный и именной указатели, а также конкорданс, куда входят все слова, употребленные в текстах, с переводом их на английский язык и с указанием текстовых адресов.

Комментарии представлены в трех видах: в первом томе они имеют текстологический и графологический характер, во втором томе письма (на современном русском языке) сопровождаются лингвистическими комментариями, а письма по-английски (тоже из второго тома) – прагматическими.

На примере отрывка из первого письма Лавра Андреевича Жернакова сыну Алексею (от 5 июня 1881 г.) покажем различия в характере комментариев. Предложение *Постараюсь дедушка свозить городъ* повторяется трижды, и каждый раз в нем с помощью сносок выделены разные слова. В первом случае (в 1-м томе) отмечены слова *постараюсь* и *дедушка* – первое из-за графической коррекции (The letter *m* was corrected from something else – буква *m* переправлена с какой-то

другой), второе – из-за диалектной морфологической особенности (склонения слова *дедушко*).

Во 2-м томе тот же отрывок выглядит следующим образом: *Постараюсь дедушка свозить* (в) *город*. Здесь отмечен эллипсис предлога *в* – и это комментируется следующим образом: “This rather striking archaic feature is for the most part ignored in the dialectological literature, apart from Kasatkina’s description of the phenomenon in S. Russian” [2, с. 82] (Эта довольно яркая диалектная черта почти проигнорирована в диалектологической литературе, кроме [2, с. 82]).

В третий раз приводится английский перевод этого предложения: *I will try to drive Grandpa to Sarapul*. Выделено слово *Grandpa* с комментарием: “The reference is to Andrei Yakimovich Zhernakov, adoptive father” – имеется в виду Андрей Якимович Жернаков, отчим Лавра Андреевича.

Страницы писем складываются в некое подобие семейной саги, отражающей – уникальный по принадлежности к патриархальной провинциальной культуре XIX века – важный этап в жизни семьи: историю роста их материального (и социального) благополучия. Но это одновременно и отражение общественной жизни России, а именно истории становления в ней капитализма. Тем самым корпус текстов писем представляет собой редчайший источник сведений не только социолингвистического, но и исторического характера.

В том, что история семьи Жернаковых – это отражение истории экономического роста России, можно убедиться, сравнив первые письма, относящиеся к 1881 г., например, первые два письма (под номерами 5–6, Лавра Андреевича Жернакова сыну Алексею, живущему в Тюмени, от 5 июня 1881 г.) и поздние письма, например, письмо 100–101 (Ивана Лавровича брату Василию от 14 июля 1893 г.). Лавр Андреевич пишет: “Алешинька¹, денег нам нужно... Денег нужно на луга 70 рублей...”, – и приводит краткий отчет о событиях в семье, о ценах². К этому письму имеется приписка сына Ивана Лавровича: “Я живу дома второй месяц. Должности нет. Нигде не оказывается”.

От Ивана Лавровича (1882) к брату Василию: “Тятинька все-таки дожидает от вас руб. 50-т. Шлите, пожалуйста, деньги: крайне нужны на лошадь. Без лошади жить нам нельзя никаким образом”. И в следующем письме: “Василий Лаврович! Прошу Вас из милости послать хотя руб.

15, пожалуйста, потому что дома взять негде. Сами знаете, как живем дома”.

Иван Лаврович так долго пребывает в этом униженном состоянии, что позднее, когда он станет “миллионщиком” и совладельцем крупной пароходной компании Волго-Камья “Братья Жернаковы”, придёт к такому неутешительному для себя выводу: “...я не обладаю твердым характером и высоким умом, а я человек, можно сказать, что бестолковый и не развитый так, как прочие братья. Да и имя-то мое Иван, а Иваны большей частью принадлежат к дуракам” (письмо 192–192а). В другом письме брату Алексею Иван писал: “Сам знаешь, что я человек несмелый, да и не совсем образованный”.

Через 12 лет после первых “просительных” и униженных писем Иван Лаврович Жернаков, бывший неимущий и безработный, а теперь один из учредителей пароходной компании, проводящий всю навигацию, на одноименном пароходе “за командира и за хозяина”, в своем письме брату Василию патетически восклицает: «Да пусть гремит наша фирма “Братья Жернаковы” на славу и пользу народу, также и родителям на радость!» (письмо 100–101).

О возросших размерах их собственности можно судить по следующему сообщению матери: “Недавно жали рожь, была помощь³, работало 240 человек...” (письмо 64–65 от Елизаветы Дмитриевны Жернаковой сыну Василию). О том же событии пишет и Иван Лаврович: “Помощь была на диво всем большая, народу громада, счесть не могли, вина выпито было 10 ведер”.

Имеются и другие свидетельства роста благосостояния семьи. Вот отрывок из письма Гавриила Лавровича (1889 г.): “У нас дом перестраивают: из одноэтажного делают двухэтажный... Кроют железом...”. Его отец, Лавр Андреевич, в своем письме добавляет: “Дом в 27 окон, 6 печей, одним словом, городская обстановка”. Из письма Ивана брату Василию о катаниях на святках: «Кошева⁴ была устроена большая и хорошая... Теперь нас считают богаче богатых. “Видно, есть на что разгуляться у братьев Жернаковых” – так говорят все». (1891 г.). Позднее он же напишет: «(у нас) расходы большие, любим все жить так, что “знай наших”» (от 24.12.1894).

Меняется не только дом, но и одежда, и сам стиль жизни. Столь же неузнаваемо меняются содержание и стиль писем. Татьяна Лавровна теперь сообщает братьям не только о делах и хозяйствен-

¹ Орфография подлинника сохранена.

² Так же мог бы писать какой-нибудь “дедушка Константин Макарыч” – адресат чеховского Ваньки Жукова

³ Помощь (диал.) – коллективная помощь (за угощение).

⁴ Кошева (диал.) – сани.

ных заботах, но и о посещении театра, концертов, о визитах к знакомым барышням, благотворительном базаре, о предстоящей покупке шляпы, которой она хочет заменить вязаную шапочку⁵.

Крепки семейные связи клана Жернаковых, что отражается, в частности, в названиях пароходов их флотилии: “Дедушко”, “Верочка Жернакова”, “Братья Жернаковы”. В одном из писем Иван патетически восклицает: *“Пусть будет посреди нас Божья благодать, мир между нами, согласие и одно сердце у всех братьев. Этим мы будем гордиться, пока живы. Главное – любовь и согласие будет долгом нашим для каждого брата”*. Ему не чужды и философские размышления: *“Вот какое время пришло – надо жить и бороться со всеми! Судьба человека такова”* (1895).

Читатель не найдет в книге информации о том, какова технология успеха, или рецептов того, “как стать миллионером”, но сами тексты писем свидетельствуют об изменении социального и материального статуса корреспондентов. Об этом свидетельствует и стилистика писем. Так, например, появляется самоирония: *“Кочующий брат твой И. Жернаков”* – подписывает Иван Лаврович одно из своих писем. Татьяна Лавровна, единственная сестра миллионеров Жернаковых, после просьбы дать ей денег на покупку платья, пишет брату Василию, иронизируя над собой: *“А теперь вот, кланча, стою прошу серое платье”*. Гавриил Лаврович о себе замечает: *“Я не из писак”*.

Письма становятся более содержательными, расцвеченными. Имеются в них запоминающиеся жанровые сценки, например, пассаж о расстроившейся первой помолвке Ивана Лавровича, о разгоревшейся ссоре (“раздружке”) с неким Тюниным. Братья и сестра шутят, иногда играя народными пословицами и поговорками, напр., Иван пишет: *“на чужой дальней сторонушке”*, Татьяна Лавровна: *“ведь нутка не шутка, а спрос не беда; Буду ждать часы считать в ожидании письма от Вас”* (письмо 116.2); *“думают, что меня пора готовить взамуж ... копить тело и приданое”*.

Письма родителей богаты житейскими советами, а материнские послания – и молитвами. Самая яркая из материнских сентенций, адресованная Алексею Лавровичу – стихотворение А.В. Тимофеева⁶, посвященное правилам, которые следует соблюдать при выборе невесты:

⁵ Семиотически это весьма важная деталь. Крестьянки никогда не носили шляпок: дамские шляпки были атрибутом принадлежности к более высокому сословию (купеческому).

⁶ Стихотворение полностью процитировано в письме Е.Д. Жернаковой от 1 января 1892 г. сыну Василию Лавровичу и приведено в Приложении к тому II, с. 458.

Не женись на умнице, На лихой беде!

Не женись на вдовушке, На чужой жене!

Женишься на вдовушке – Старый муж придет;

Женишься на умнице – Голову свернет...

Рецензируемый труд – особый лингвистический источник. Собранные в нем письма представляют большую ценность не только для историков, этнографов и социологов, но и – не в последнюю очередь – для лингвистов, поскольку это один из немногих случаев публикации диалектных текстов не в устной, а в письменной форме. Говор, отраженный в письмах Жернаковых, типологически близок к русским диалектам северо-востока Европы, относящимся к вологодско-вятскому ареалу.

Лингвистическому анализу текстов писем посвящена глава 2 “Лингвистические особенности текстов” (т. I, с. 369–439). В заключительном абзаце этой главы Ольга Йокояма отмечает, что сознает всю неполноту этого описания, поскольку, в частности, в нем недостаточно прослежены отношения между диалектом, просторечием и региональной разновидностью русского литературного языка (т. I, с. 439). Однако на самом деле лингвистический анализ, осуществленный автором, представляет собой фундаментальное исследование, охватывающее все уровни языковой системы, отраженной в письмах, от фонологии до прагматики. Автор справедливо замечает, что “нашедшая отражение в письмах языковая система, даже при столь неполном анализе, не только совершенно убедительна сама по себе, но и в определенных аспектах дополняет описания говоров, проливая свет на их состояние в период времени, предшествующий современным полевым исследованиям” (т. I, с. 169). И это очень важно подчеркнуть – в письмах действительно отражено более раннее, отодвинутое на полтора-два столетия назад, состояние северо-восточной русской диалектной системы.

Лингвистический очерк состоит из двух частей: дескриптивной, выполненной в традиционном плане, и прагматико-дискурсивной, новаторской с точки зрения российского читателя.

Дескриптивная часть монографии выполнена с перфекционистской тщательностью, и по этому разделу у рецензента могут быть только некоторые незначительные дополнения.

В разделе “Фонология” (т. I, с. 376–388) обсуждаются свидетельства отражения ряда диалектных черт в речи корреспондентов: *оканья* и *иканья*, произношения *l-среднего*, многоударного

*p*⁷, ассимилятивного смягчения переднеязычных и губных согласных, элизии *j* в разных позициях, нарушения чередований согласных по *глухости-звонкости* и *твердости-мягкости*, а также в появлении протетических согласных, благодаря чему возникают начальные прикрытые слоги (*Якимович* – *Акимович*, *ярмяк* – армяк, *этот* – *этот*, *-ятáжнѣй* – *-этажнѣй*), упрощения консонантных кластеров и разрушения хиатусов путем либо элизии одного из гласных (*акциѡн* – аукцион, *стерѣн* – стеарин), либо появления интервокальной консонантной эпентезы (*христѣянскѣй* – из *христианскѣй*).

Важным наблюдением автора публикации являются акающие варианты заимствованных слов, появляющиеся на фоне исконно русских окающих. напр., *фармальности*, *кантору*, *канторщином*, *каленкору*, *камандир*, *каманду* и др. Эта черта свойственна и современному окающему русскому говорам.

В разделе “Фонология” весьма убедительными представляются доказательства наличия в фонетической системе говора *l-среднего* (“полумягкой артикуляции *l*” – semi-soft articulation), что свидетельствует об альвеолярной, а не дентальной артикуляции *l*. В письмах это выражается в регулярных заменах мягкого *л* твердым (*лубить*, *неделу*, *луди*, *полза*, *лгота*, *мѣлком*⁸, *наскѡлко*) и твердого *л* мягким (*получѣль*).

В этом разделе также приводятся многочисленные свидетельства “спирантизации велярного *г*”, по мнению автора: замена буквы *г* буквой *х* (*хостить*, *кочехарка*, *дороха*, *сѣжихает*; *берех*, *дорох* и др.), и обратная замена (*фрагт* – фрахт, *Бегтерев* – Бехтерев), отражающая гиперкоррекцию, появление буквы *х* на месте конечного *к* (*бых* – бык, *человех* – человек (т. 1, с. 384). Эти примеры хотя и приведены единым списком, в действительности отражают два разных фонетических явления: мена букв *г* и *х*, является безусловным свидетельством щелевого характера фонемы /г/, а появление *х* на месте конечной буквы *к* отражает придыхательность конечного велярного смычного, см. об этом [3, с. 125]. Утверждение, что говору свойственно произношение *многоударного р* на основании только одного случая написания *дрругой* (т. I, с. 383) не представляется бесспорным – это может быть опiskой.

Интересна фиксация написаний “вокализованных вариантов некоторых предлогов”: *во ожида-*

нии (письмо 18.7), *во общем* (письмо 80.30); *со собой* (письмо 28.4); *во письмах* (письмо 86.1); *со детками* (письмо 25.19) и приставки *с-* (*сочестъ* (письмо 62.11)). По мнению О. Йокояма, эти формы “по-видимому, не отражают исконного развития, а, скорее, заимствованы из церковнославянского языка и обусловлены стилистическими факторами <...> Противоположный случай – ненормативный пропуск беглой гласной – можно видеть в форме *сшел*” (письмо 176.21).

Между тем, это варьирование может иметь и другое объяснение, а именно, спорадическое сохранение конечных редуцированных в предлогах, что коррелирует с обнаруженными нами ранее “проясненными” конечными редуцированными в говорах архангельского региона (см. [4]).

В разделе “Словоизменение” (т. I, с. 389–392) рассматриваются особенности именного склонения разных частей речи и спряжения глаголов. Заметим, что, описывая особенности склонения существительных, автор не касается функциональной стороны вопроса и поэтому не обращает внимания на такую важную диалектную черту, как употребление родительного падежа в роли прямого объекта (см. об этом [5, 6]). В корпусе писем встречается несколько таких случаев, напр., из писем Татьяны Лавровны: *из-за него* (я) и *не доучилась, слушая его советов. Я отдала... в монастырь вышить... полотенце*; Иван Лаврович пишет: *Куплено уж мной железа, стали и меди; Купил дѣгтю; Ему кто-то будто бы предлагает жалованья 1800 р.* Среди приведенных примеров имеются не только формы партитива (*Куплено... железа, стали и меди*) но и бесспорного генитива (*советов, жалованья*).

Недопонимание этой морфологической диалектной особенности приводит автора к несколько курьезному заявлению. В письме 180 Иван Лаврович пишет: *Буду писать про свои дела... Екатеринбург* <название парохода. – Р.К.> и *2 баржи по 40 сажень поставили зимовать в Уфу* (письмо 180.7). О. Йокояма расценивает форму *род. пад.* прямого дополнения *Екатеринбурга* как форму *вин. пад.* одушевленного существительного и поясняет: «an interesting case of animate treatment of an inanimate ship name occurs: *Екатеринбурга... поставили...* referring to a ship suggests that this is a case of personification (cf. *she* for ships and cars in English) – интересный случай “одушевления” и персонификации неодушевленного имени корабля (ср. в английском употреблении местоимения *она* по отношению к автомобилям и кораблям)».

Далее автор пишет: “На согласование подлежащего и сказуемого в корпусе сильно влияет праг-

⁷ Многоударное [р] – особая артикуляция [р], характеризующаяся несколькими контактами языка с нёбом, отмеченная в некоторых русских диалектах.

⁸ Т.е. мѣлком.

матика. Особенно заметны формы сказуемого во мн. ч. при подлежащих, выраженных именем в ед. ч., но с множественной референцией. В корпусе встречаются сказуемые во мн. ч. при подлежащих в ед. ч.: *Алексей Лаврович ... будут* (письмо 193.12); *Алеша не знают* (письмо 193.16); *Ваня уехали* (письмо 196.20). Формально в роли подлежащего в таких примерах выступают имена собственные, например, имена братьев пишущего; в референтный же состав подлежащего в этих случаях входят и их жены". Добавим к этим примерам еще один: "*Алексей Лаврович еще не возвращался из поездки, а вероятно на днях будут, так как из Москвы уже выехали в Казань*", – и замечание, что подобные рассогласования в числе подлежащего и сказуемого, хотя и недостаточно полно описаны в диалектологической литературе, свойственны не только многим русским говорам, но и городскому просторечию. О. Йокояма отмечает по этому поводу, что "граница между синтаксисом, дискурсом и прагматикой размывается и начинается их взаимопроникновение".

В корпусе писем широко представлена категория перфекта, характерная для запада и севера России, согласно Ю.С. Маслову [8], В.И. Трубинскому [9, с. 149], И.Б. Кузьминой [10, с. 192]. Примеры из писем: *Сеяно гречухи 3 дес., пшеницы, ячменю 3 дес. Гречухи не снямено ни зерна, пшеницу и ячмень выкошено. Сена поставлено 50 возов, у нас куплено лодка* (письмо 41.6); *У тебя было сеяно что-то* (письмо 82.27); *Дано 1000 р.* (письмо 79). *Извини, что мало писано.* Подобные речевые обороты О. Йокояма называет "псевдо-страдательными конструкциями"⁹ (т. I, 408–409). Из области морфологии важно отметить такую типично севернорусскую черту, как функционирование многократных глаголов, напр., *На именины-то не даривали; из дома выганивал* и т.п.

Яркой диалектной приметой, отраженной во многих письмах, является употребление невозвратных форм глаголов вместо возвратных, напр., *С мамашей вашей посоветовали, чтобы приехать тебе домой в конце навигации; Татьяна все-таки дожидает от вас руб. 50. Танечка дожидает тебя домой; Они ждут и дождут.*

⁹ Ю.С. Маслов [8] и В.И. Трубинский [9, с. 145] считают эту конструкцию типологически сходной с германским перфектом. По нашим наблюдениям, это одна из языковых особенностей, объединяющих севернорусские говоры с балто-финскими и скандинавскими языками в особое ареальное образование – северный языковой союз, см. [11].

В разделе "Словообразование" рассмотрены вопросы префиксации и суффиксации разных частей речи, а также особенности основосложения. Внимания заслуживает также особая семантика приглагольной приставки *за-*, проявляющаяся в таких случаях, как *заходить, заносить* (начать ходить, начать носить). Это значение обнаруживается в следующих выражениях: *в одном платье не заходишь; один платок не заносишь* (из писем Татьяны Лавровны).

В разделах, посвященных синтаксису, отмечается особая роль предлогов. Все предлоги могут быть избыточными – при их повторях, напр., *с вами повидаться с крестным* (письмо 15.10); *на меня и всех на нас* (письмо 100.12); *в одной в ней* (письмо 117.1); *со всеми со службами* (письмо 134.3), а некоторые предлоги (*в, к*) могут эллипсироваться, напр., *свозить (в) город Саранул* (письмо 5.12); *перешел (к) другому хозяину* (письмо 12.5); *(в) нынешний год* (письмо 30.1); *привыкаете (к) фронтовой службе* (письмо 41.10); *зимовала (в) Паздерах* (письмо 41.8).

Отмечаются также различия между диалектным и литературным употреблением союзов *да, да и и как*.

К описанию лексического состава корпуса писем можно добавить, что некоторые слова, внешне не отличающиеся от слов литературного языка, могут в диалекте иметь другую семантику, напр., *Ловко вам жить* (письмо 82). По данным СРНГ [14] *лѡвко* – 'хорошо' (Волог.), 'легко' (Коми, Новосиб.). В строке *От других отстать ровно стыдно* (письмо 79–83) слово *ровно* может быть переведено как дискурсивная частица 'ведь' (СРНГ, Урал).

В строке "дела у нас текут хорошо" глагол *текут* не является метафорой, он употреблен в значении *идут*, в том архаическом изначальном смысле, в котором это слово использовалось в древнерусском языке и продолжает бытовать в некоторых современных диалектах, ср. *Потеку, потеку я к бабушке за реку* [14, вып. 30, с. 280] или *Народ притѣк со всех сторон* [14, вып. 32, с. 13]. В том же значении глагол *течь* использовался и в литературном языке XIX в., ср. у Державина: *Меня... давно ли города встречали, как в лаврах я, в оливах тек?* У Пушкина: *Клеветникам как прежде верят, Как прежде все дела текут, или И он послушно в путь потек...*

В письме Ивана Лавровича к Василию Лавровичу Жернакову (т. II, с. 202) *он нас сочел за таких филинов* неправильно прочитано слово *филинов* (простаков), ср. у В.И. Даля: *филѣн* – простак, простофиля, пермское [13, стлб. 1140].

Связано с рифмой: *Филя – простофиля*. Ср. *филькина грамота*, а также у Н. Лескова: *У Фили пили, да Филю ж и били* (“Воительница”).

В разделе “Дискурс” обсуждаются три явления: порядок слов, эллипсис и референция – в терминах, принятых в современной американской лингвистической литературе (см. [12]). Интересны некоторые выявленные автором типологические схождения между английскими конструкциями и оборотами, представленными в корпусе писем. Такие типологические параллели вполне возможны не только в родственных языках. О. Йокояма отмечает в письмах построения, напоминающие т.н. “расщепленные” конструкции в английском языке, напр., *за это тебе ... спасибо, что так поступил* (письмо 100.7); *напрасно ты так думаешь, что мы* (письмо 101.1); *к чему это сеют, зная наперед* (письмо 171.4).

Рецензируемую монографию необходимо опубликовать по-русски. Этого настоятельно требуют и сами тексты писем, и комментарии публикатора. Российские исследователи должны получить возможность доступа к уникальным диалектным материалам.

Р.Ф. Касаткина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чубайс И. Русская идея и II Мировая война // Посев. 2010. № 6.
2. Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р.Ф. Касаткиной. М., 1999.
3. Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Противопоставление согласных по напряженности-ненапряженности в севернорусских говорах // Русистика сегодня: Функционирование языка: Лексика и грамматика. М., 1992 (в части тиража – 1993).
4. Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Рефлексы редуцированных гласных в конце слова в русских говорах // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998. Доклады российской делегации / Отв. ред. О.Н. Трубачев. М., 1998.
5. Лопатина Л.Е. Родительный падеж в функции прямого объекта // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 2. / Отв. ред. Т.В. Попова. М., 1998. С. 234–244.
6. Малышева А.В. Родительный падеж прямого объекта при глаголах несовершенного вида в русских летописях и современных архангельских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии II (VIII) / Отв. ред. Л.Л. Касаткин. М., 2004. С. 170–184.
7. Малышева А.В. Из истории русского глагольного управления: объектный генитив (на материале русских летописей и современных архангельских говоров). Автореф. ... канд. дис. М., 2010.
8. Маслов Ю.С. К вопросу о происхождении посесивного перфекта // Ученые записки ЛГУ, 1949, № 97. Серия филол. наук, вып. 14. (Перепечатано в книге: Маслов Ю.С. Избранные труды: аспектология, общее языкознание. М., 2004. С. 266–302).
9. Трубинский В.И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984.
10. Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2005.
11. Касаткина Р.Ф. Специфика севернорусского наречия – субстратная или генетическая? // Вопросы языкознания. 2010. № 5.
12. Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М., 2005.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 4. СПб.; М., 1909/1994.
14. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин; Ф.П. Сороколетов. Вып. 1–44, А–Т–. Л., СПб., 1964–2011–.